

Эмпирические факты к теории реформ и экономического роста (анализ по странам экономическим лидерами России, 1961-2015 гг.)

О.С. Сухарев,

д-р экон. наук, проф., ИЭ РАН, проф. БГИТА, ПГНИУ (e-mail: o_sukharev@list.ru)

Аннотация. Обобщены условия реформирования и роста мировой экономики и стран экономических лидеров в 20 веке, показаны общие черты к подходам по приданию экономике нового импульса к развитию, с учётом условий внешнего окружения. Сформулировано общее требование (императив) экономического реформирования, которое требуется принимать во внимание при обосновании новой политики экономического роста. Проведен структурный анализ динамики компонент ВВП ряда стран, с выделением общих и отличающихся свойств и закономерностей такой динамики, что находит отражение и при формировании макроэкономической политики роста. Например, для России при запуске экономического роста на «новых факторах» требуется активизация совокупного потребления, ориентированного на внутренне производство, так как именно валовое потребление как компонента ВВП занимает наибольшую долю в продукте и вносило на продолжительном отрезке времени основной вклад в динамику ВВП России. Активизация инвестиций, при этом, является стратегической задачей для России, но требует перераспределения ресурсов между видами деятельности, организации схем внутреннего капиталообразования по секторам экономики и т.д. и по совокупности причин не может дать быстрого и устойчивого роста вне связи со стимулированием внутреннего потребления (спроса). Более того, представленная модель структурной динамики Китая показывает, что поддержание определяющего вклада инвестиций в темп роста потребует решения задачи преодоления ограниченного роста, связанных с так называемой кривой В.А.Базарова, когда исчерпание факторов развития (производственных мощностей и ресурсов), замедлит рост промышленности и экономики. Также показано, что китайская модель экономической динамики по структурным характеристикам отличается от моделей развития других стран США, России, Германии и Японии. По существу можно говорить о двух моделях динамики – за счёт валового потребления и за счёт совокупных инвестиций. Возможна и третья модель, когда эти две компоненты оказывают примерно равный по значимости вклад в динамику роста. Каждая модель предполагает свой набор мер правительственной политики по поддержанию устойчивости экономического роста.

Abstract. The conditions of the reform and growth of the world economy and economic leaders in the 20th century, shows similarities to the approaches to give a new impulse to the development of the economy, taking into account the external environment conditions. It formulated a general requirement (imperative) economic reform, which is required to take into account in justifying a new policy of economic growth. Spend a structural analysis of the dynamics of the components of the GDP of several countries, highlighting common and different properties and laws of this trend that is also reflected in the formation of macro-economic growth policies. For example, in Russia at the start of economic growth in the "new factors" required activation of total consumption, based on domestic production, because it is gross consumption as a component of GDP occupies the largest share in the product and contributes to the prolonged period of time the main contribution to the dynamics of Russia's GDP. Activation of investment, thus, is a strategic priority for Russia, but it requires the reallocation of resources among activities, the organization of the internal circuits of capital across sectors, etc. and the aggregate of reasons can not provide rapid and sustained growth is ligament with the stimulation of domestic consumption (demand). Moreover, the presented model of the structural dynamics of China shows that the maintenance of determining the contribution of investment to growth rate will require a solution to the problem of overcoming growth constraints associated with the so-called curve V.A.Bazarova when the exhaustion of the factors (production capacity and resources), slow the growth of the industry and the economy. It also shows that the Chinese model of economic dynamics on the structural characteristics different from the US to other countries, development models, Russia, Germany and Japan. In essence, one can speak of two models of the dynamics - at the expense of gross consumption, and at the expense of the total investment. There's also a third model, when the two components are approximately equal in importance to the dynamics of growth. Each model requires its own set of government policy measures to support the sustainability of economic growth.

Ключевые слова: Экономический рост, страны-лидеры, занятость, безработица, инфляция, реформирование экономики, структурный анализ ВВП.

Keywords: economic growth, lead countries, employment, unemployment, inflation, economic reforms, cross-section analysis of the GDP.

1. Особенности экономического реформирования некоторых стран в 20 веке: полезные выводы

Накопленный в XX веке опыт хозяйственных реформ во многих странах позволяет выделить некоторые общие черты, которые отсутствовали при реформировании экономик постсоциалистических стран. К ним могут быть отнесены следующие важные тезисы [1, 3, 4, 7].

Во-первых, в основе любой политики лежал чёткий план или программа, будь то репарационные планы Дауэса и Юнга в Германии 1920-х гг., Шахта – в начале 1930-х гг., «план экономики» Мэя в Англии, Доджа-Шоупа в Японии, либо «новый курс» Рузвельта, послевоенный план Маршалла по восстановлению хозяйства Западной Европы, или план Рейгана в 1980-х гг.

Во-вторых, практически все планы и программы начинались с пересмотра отношений в валютной, финансовой и банковской сфере, создавая механизмы и стимулы для направления имеющихся капиталов в национальное производство и социально-экономическую инфраструктуру.

В-третьих, в большинстве случаев осуществлялось принятие специальных законов, создающих правовую базу выхода из кризиса и делающих дальнейшие шаги легитимными, а значит, все хозяйственные операции – легальными.

В-четвёртых, создавались новые организационные структуры, в частности, администрация национального восстановления, общественных работ, регулирования сельского хозяйства, ряд комиссий – в рузвельтовскую эпоху. Похожее по назначению организации возникли и в других странах, осуществлявших программы выхода из экономических кризисов.

В-пятых, антикризисные программы в каждой из названных стран учитывали национальный характер ведения предпринимательской деятельности, отношение к участию правительства в регулировании хозяйства. Последнее накладывало отпечаток на характер социальных реформ, уровень милитаризации экономики и влияние групп особых интересов на процесс оживления экономики. Центральным признаком практически всех хозяйственных преобразований до начала 1990-х гг. в разных странах являлось изменение правовых основ ведения хозяйства, установлений в области банков, валюты и промышленных организаций, но эти изменения носили закономерный, обусловленный характер – теми целями и задачами, которые ставило перед правительствами общество.

В-шестых, в названных странах не требовалось создавать практически с нуля или подавлять институт частной собственности на средства производства.

В-седьмых, правительства стран, осуществляющих преобразования в экономике, не занимались целенаправленно и системно импортом институтов, действовавших в других экономиках, или заимствованием методов регулиро-

вания. Только оригинальные подходы способствовали подъёму национального хозяйства и построению здоровой экономики, обеспечивающей рост благосостояния на протяжении нескольких поколений граждан страны. Пример послевоенной Японии не опровергает данное утверждение. Импорт американских институтов происходил в условиях оккупации и ещё до ухода американских войск началась «японизация» заимствованных правовых норм и подходов к построению экономики, то есть приведение их в соответствие с национально-культурными традициями и обычаями японцев¹.

Конечно, ни одна страна в мире не осуществляла преобразования своей экономической системы, стремясь перейти от централизованной экономики к экономике рынков, в условиях небывалого информационно-технологического подъёма и развития финансового сектора мировой экономики. Эти события требуют от правительства неортодоксальных подходов к разработке экономической политики. Здесь имеются два фундаментальных ограничения, которые необходимо понять и попытаться преодолеть:

1. Отказ от централизма совсем не должен приводить к отказу от планирования. Экономический расчёт, который с точки зрения Мизеса, Хайека и их последователей, не может дать эффективных результатов в условиях централизма, по сути дела есть не что иное, как планирование, осуществляемое каждым экономическим агентом в отдельности – правительство не является исключением. Пренебрежение планированием означает раскоординацию действий, потерю управляемости экономикой, невозможность проведения намеченных преобразований, поскольку реформа – это гибкий алгоритм, обладающий свойством самомодификации относительно складывающихся условий.

Например, наметившийся спад конца 1930-ых обесценил бы многие прогрессивные начинания рузвельтовского курса и кто знает, что ожидало бы самого президента и его политику в будущем, если бы не усилия по наращиванию военных расходов и милитаризации американской экономики. Подобный разворот событий был не на пользу набирающему силу кейнсианству, поскольку у многих экономистов к середине 1940-х гг. зародились первые обоснованные сомнения, что кейнсианская рецептура не так сильна, как кажется на первый взгляд, а достигаемые положительные результаты в борьбе с кризисами обеспечены путём наращивания военного потенциала и государственного регулирования.

2. Категорическим императивом политики реформизма должно выступать требование улучшения социально-экономических стандартов жизни широких слоёв населения. При этом правительство обязано понимать, что реформа и экономическая политика – это разные вещи.

¹ Сухарев О.С. Экономика глобального экссесса – М.: Ленанд, 2016. – 512 с. Теория экономической дисфункции – М.: Машиностроение-1, 2001 – 212 с.

Экономическая политика непрерывна, реформа – дискретна. Таким образом, экономическая политика представляет собой более широкую категорию, чем реформа, поскольку реформа может затрагивать лишь отдельные хозяйственные сферы. Поэтому, чтобы провести реформу и добиться позитивных результатов, прежде всего нужна правильная стратегия экономической политики.

История экономических политик в XX веке, которые осуществлялись в периоды хозяйственных кризисов различной природы и продолжительности, говорит о том, что во всех странах главным достижением правительственной политики считалось обеспечение высокой занятости, стабильных цен и приемлемых темпов экономического роста [1].

Можно утверждать, что в макроэкономической теории существуют три центральные, ставшие классическими, проблемы – инфляции, безработицы и экономического роста. Уже к 1990-м гг. для группы экономически развитых стран названные проблемы вошли в перечень комплексной программы поддержания и совершенствования приобретённого жизненного стандарта. Это явилось дополнительным фактором, подталкивающим к разработке соответствующего передаточного механизма экономической политики, с помощью которого достигались бы цели требующихся институциональных изменений.

Для России и стран СНГ в экономической политике правительства на первый план выходят как раз проблемы безработицы и инфляции, а также институциональной перестройки экономики. Иными словами отсутствует политическое мышление с позиции жизненного стандарта, хотя и осуществляются планирование и нормирование социальных параметров, проводится социальная политика. Именно такой разрыв в политико-экономическом мышлении, особенно очевидный в первые два-три года трансформации, а также кардинальные несоответствия в политико-правовой системе и институциональной структуре, обесценили передаточный механизм, применявшийся в 1980-х гг. и перенесённый в новую экономическую реальность без каких-либо существенных концептуальных изменений – либерализация (дерегулирование) и приватизация составили его основу, а «гашение» инфляции производилось обычными рестрикциями, которые обладают свойством ухудшения производственно-технологических пропорций в экономике. Ликвидировать данный разрыв можно путём общего улучшения функционирования институциональной структуры, для чего правительство должно научиться принимать соответствующие решения [1, 3].

Анализ передаточных механизмов хозяйственных реформ в разных странах, предпринятый автором в разные годы за последние двадцать лет, указывает на существование большой дихотомии в теории экономической политики, подобно ойкеновской большой антиномии в области экономической методологии. Большая антиномия возникает благодаря тому, что эконо-

номисты, формулируя экономические проблемы в самом общем виде, выстраивая мысленные конструкции и модели, необходимые для теоретических исследований, упускают из вида конкретные исторические факты хозяйственной действительности. Большая дихотомия возникает при проведении экономической политики в силу разделённости, с одной стороны, экономического анализа, с другой – прямолинейности инструментов, используемых правительством. Действительно, какими возможностями обладают государственные структуры в проведении экономической политики?

Денежную массу в обращении можно увеличить, уменьшить или поддерживать какой-то определённый уровень, процентную ставку также можно поднять или опустить, государственные расходы могут быть либо увеличены, либо сокращены, налоговое бремя можно снизить или увеличить. Третий вариант, когда какие-либо параметры стабилизируются, то есть фиксируются и поддерживаются на определённом уровне, тоже возможен. Однако этот третий вариант всё равно представляет разновидность политики, строящейся по схеме «увеличить-уменьшить». Для безработицы, инфляции и темпов экономического роста справедливостью такой схемы сохраняется. Целью экономической политики обычно является снижение инфляции, рост занятости и поддержание высоких темпов экономического роста. Данная схема и есть большая дихотомия экономической политики, которая превратилась в два классических передаточных механизма – экспансионистский и рестриктивный, применявшихся на противоположных фазах экономического цикла для сглаживания колебаний хозяйственной конъюнктуры.

Экономическая политика правительства представляет собой программу, которая ставит определённые цели и уточняет средства для их достижения. Перед обществом всегда стоят определённые цели. Правительство является тем органом, который возглавляет и координирует движение к этим целям, а также корректирует их в процессе движения. Обобщение опыта хозяйственных реформ в разных странах позволяет утверждать, что построение передаточного механизма экономической политики происходит единообразно. Первым делом формулируются и признаются справедливыми цели и задачи экономического развития. Затем описывается текущее состояние экономики, высвечиваются проблемы, неприемлемые процессы, даётся предварительная оценка их инерционности.

Располагая подобными данными, оценивается степень отклонения от приемлемого состояния, устанавливаются ограничения, отсутствие которых делает невозможным его достижение. На этой стадии ориентировочно задаются минимальные и максимальные результаты, вытекающие из названных ограничений, достигнуть которые требуется при проведении определённой экономической политики. Цепочка разработок передаточного механизма завершается про-

ектированием конкретных экономических механизмов его реализации.

2. Тенденции развития мировой экономической системы и отдельных стран, 1961-2015 гг.

Дадим общий анализ эволюции мировой экономической системы в целом и по отдельным странам-лидерам развития в период 1961–2012 гг. Именно в это время оформились основные институты, обеспечивающие развитие явления глобализации. Анализ затронул мировую экономику, а также её отдельные регионы (Северную Америку; Европейский союз; Латинскую Америку и страны Карибского бассейна; Страны Восточной Азии и Тихоокеанского региона; Арабские страны; Суб-сахарскую Африку²).

Кроме того, были получены некоторые выводы по развитию: США, Японии, Германии, Китая. Обобщения даны по агрегированным показателям, характеризующим динамику мировой экономики и стран-лидеров на рассматриваемом интервале времени. К ним относятся: изменение численности населения, включая скорость изменения численности и темп прироста, динамику ВВП, темп прироста и скорость изменения жизненного стандарта (продукт/доход на одного жителя), зависимость скоростей изменения ВВП и жизненного стандарта, а также жизненного стандарта от скорости изменения численности населения и занятых в экономике, связь темпа прироста ВВП и инфляции, и темпа прироста продукта и абсолютного прироста продукта на душу населения в год.

Приведем здесь краткую обобщённую оценку изменениям развития мировой экономики, перейдя к характеристике отдельных стран, занимающих в мире лидирующие позиции.

Во-первых, мировое население за указанный период увеличилось более чем в 2 раза, притом, что годовая скорость изменения численности населения стабилизировалась при росте жизненного стандарта. Темп прироста численности снизился в 2 раза.

Во-вторых, скорость изменения численности будет устойчиво снижаться вплоть до 2030 г., хотя общий рост населения продолжится при росте ВВП и жизненного стандарта потребления.

В-третьих, для мировой системы с 1990-х гг. увеличивается частота колебаний, а с 2000-х гг. и амплитуда скорости изменения жизненного стандарта (по формуле для V_{gi} см. Приложение 1), что говорит об увеличении неустойчивости развития мировой системы. Этот же эффект наблюдается для отдельных регионов мира, а также отдельных стран, но он менее выражен либо почти отсутствует для тех стран, которые за этот период прошли путь от сильно отсталой страны до мирового лидера, без которого уже невозможно представить мировые процессы, напри-

мер, Китая. Кстати, именно Китай и из развитых стран – США демонстрируют меньшую частоту и амплитуду изменения этого показателя (при достаточной высокой частоте и амплитуде изменения темпа прироста ВВП). Регион Северная Америка показывает положительную скорость изменения жизненного стандарта, хотя частота изменений увеличивается с 1990-х и амплитуда также с 2000-х гг. Для развивающихся регионов и отстающих в развитии этот показатель не только демонстрирует увеличение частоты колебаний и амплитуды на таком же периоде, но и сама скорость переходит в отрицательную область и обратно в положительную область колебаний. Следовательно, созданные наднациональные институты, закрепляющие политику глобализации, приносят большую выгоду тем странам и регионам, которые имеют больший вес (и не только экономический) на мировой арене. Однако Европейский союз по данному параметру показывает такую же динамику – высокая амплитуда и частота колебаний скорости изменений жизненного стандарта с 1990-х по 2000-е гг. Таким образом, интеграционные процессы проходили не без негативного следа в области обеспечения устойчивости главного параметра развития (жизненный стандарт).

В-четвёртых, развивающиеся регионы и сильно отсталые в развитии, как Суб-сахарская Африка, демонстрируют наличие площадок социальной стагнации, то есть параллельный оси абсцисс участок изменения жизненного стандарта, когда по абсциссе отложена численность населения. Иными словами, рост численности населения не увеличивает жизненного стандарта. Такие площадки для отдельных регионов и стран очень существенны. К тому же площадка может быть наклонена к низу (по направлению к оси абсцисс), а не быть параллельной оси абсцисс, то есть с ростом населения жизненный стандарт ухудшается. Наличие таких регионов и их сильное влияние в смысле мирового прироста населения делает такой график для мировой системы также с площадками «социальной стагнации». Это является своеобразной характеристикой мирового развития – за рассматриваемый период выявляются очевидные две такие площадки для мировой системы, для точки, когда население было в районе 4–4,5 млрд человек, затем 6–6,5 млрд человек. Третья площадка, точнее её контур, обнаруживается для населения около 7 млрд человек. Однако контур этой площадки очень нечёткий, видимо, она заняла крайне непродолжительный период. Нужно отметить, что в период 1990–2000 гг. такие площадки не обнаруживаются, что говорит о том, что происходящий рост численности наблюдается с явным торможением при достаточной технологичности развития, позволяющий повышать жизненный стандарт потребления как по отдельным регионам, странам, так и для мировой системы в целом. Современная история показывает отсутствие таких площадок даже для Арабского региона и Суб-сахарской Африки, хотя показа-

¹ Подробный анализ см. Сухарев О.С. Экономика глобального эксцесса – М.: Ленанд, 2016. (приложение 2)

² Здесь результаты по регионам не приводятся.

тель скорости изменений жизненного стандарта отражает существенную частоту изменений и амплитуду не только в 1990–2000 гг. для этих регионов, но и ранее на рассматриваемом интервале 1961–1980 гг. Нужно отметить, что из развитых стран Германия с 1980-х гг. и Япония с 1990-х гг. демонстрируют высокую частоту и амплитуду колебаний скорости изменения жизненного стандарта. В Германии это, видимо, связано с объединением и её ролью в строительстве единой Европы, а в Японии – с внутренними проблемами развития.

В-пятых, ни мировая экономическая система, ни отдельные указанные её регионы, ни даже отдельные страны не показывают наличия жёсткой связи между инфляцией и экономическим ростом. Иными словами, не выполняется соотношение, что нужна низкая инфляция, чтобы был обязательно высокий рост, либо, что при высокой инфляции наблюдается всегда низкий темп роста. Таких соотношений не обнаруживается, более того, нужно особо подчеркнуть, что для каждой страны и региона эта связь уникальна и своя, определяемая не столько денежно-кредитной и бюджетной политикой этой страны, сколько её экономической, социальной, институциональной и технологической структурой, что и в сильной степени детерминирует эту связь на различных участках эволюции системы.

Параметр скорости изменений (темпа динамики) стал определяющим параметром как глобального развития, так и отдельных стран. Известные индикаторы, характеризующие уровень развития, позволяющие сопоставлять успехи стран и регионов мира (ВВП, доходы на душу населения, ИРЧП – индекс развития человеческого потенциала, индексы устойчивого и гармоничного развития, оценка уровня счастья по Р. Истерлину и его последователям и т.д. и т.п.), не дают представлений об устойчивости, стабильности развития, выражающегося в планомерном наращении социальных результатов¹, требуют, как минимум, расширения за счёт добавочных показателей, два из которых указываются в работе Сухарева О.С.².

Первый показатель является отношением суммарной по величине (без учёта знака при отклонении в отрицательную область по скорости – ниже оси абсцисс) амплитуды $A = \sum a_i$ колебаний скорости изменения жизненного стандарта относительно оси абсцисс (как вариант возможно к средней скорости за период) к общему числу пиков и впадин P на рассматриваемом интервале. Амплитуда a_i – это расстояние от пика или впадины до оси абсцисс на графике (либо до линии средней скорости, без учёта знака) для скорости изменения жизненного стандарта. Этот параметр можно назвать величиной стабильности и устойчивости эволюционной динамики за

период, записать его можно так (коэффициент стабильности развития):

$$U = A/P = \frac{\sum_{i=1}^P a_i}{P^3}.$$

Чем выше этот показатель, тем менее стабильно развивается система. Нужно отметить, что со всей очевидностью, даже без дополнительного расчёта, можно говорить о том, что за последние 20 лет для мировой системы и отдельных регионов и стран он явно возрос, за исключением, наверное, только Китая.

Вторым параметром может быть отношение суммарной площади, окаймляемой графиком скорости изменения жизненного стандарта в положительной области – выше оси абсцисс к суммарной площади этого же графика в отрицательной области – ниже оси абсцисс. Если график скорости лежит только в положительной области, тогда считается только суммарная положительная площадь – показатель равен ей. Этот показатель позволит сопоставить потери жизненного стандарта в периоды кризиса (график ниже оси абсцисс) и его наращивания в периоды подъёма – график выше оси абсцисс. Пики и впадины можно считать не относительно оси абсцисс, а относительно средней за период величины скорости, если весь график за период находится выше оси абсцисс – тогда пик образует положительную область, впадина – условную отрицательную (знаменатель введённого показателя). Поскольку этот параметр относительный, это позволит ранжировать страны и регионы по данному параметру, который можно обозначить как коэффициент инерционности развития или системной технологичности, ибо чем выше технологичность системы, тем она лучше противостоит снижению социального стандарта и быстрее его наращивает. Обозначим число площадей в положительной области $H = \sum h_i$ где $i = 1 \dots N$, число пиков, $D = \sum d_j$, $j = 1 \dots M$, число впадин, тогда $W = H/D$. Можно записать:

$$W = \frac{\sum_{i=1}^N h_i}{\sum_{j=1}^M d_j}.$$

Увеличение коэффициента инерционности развития говорит о преобладающем периоде увеличения скорости изменения жизненного стандарта и преимущественном его наращении. Эти коэффициенты можно применять не только к параметру скорости, но и к динамике ВВП, графику изменения его темпа роста и т.д. Они будут отражать то, насколько устойчиво и стабильно развитие и какая модель преобладает – стабильная или нестабильная стагнация, либо ста-

¹ Такую устойчивость за анализируемые 50 лет демонстрирует только Китай.

² См. Сухарев О.С. Экономика глобального экссесса – М.: Ленанд, 2016.

³ Как вариант возможна форма показателя $U = AP$, то есть произведение суммарной амплитуды на общее число пиков и впадин.

бильный или нестабильный экономический рост системы.

Мировая экономика в начале XXI века всё более фрагментируется. Социальные изменения, произошедшие в 1970–1990-х гг., способствовали этому. В частности, электронизация экономики, темпы которой значительно опережают скорость, с которой может происходить образование новых эффективных институтов, резко увеличила возможности финансовых спекуляций и сделала скорость экономического процесса, например, сделки, лимитирующим параметром хозяйственного развития, чего не было раньше и что не нашло ещё полного отражения в современных экономических теориях. Если эмиссионные институты, являющиеся главным рычагом в экономической политике государства, теряют возможности противостоять денежным спекуляциям, то это означает резкое возрастание роли международного фактора в управлении национальной экономикой.

Теперь оценим¹ основные закономерности экономической динамики по странам-лидерам последовательно: США, Япония, Германия и Китай за период 1961-2012 гг.:

– рост численности населения США составил от 180 до 300 млн. человек при снижении темпа прироста от 1,6 до 0,7% в год;

– рост ВВП США, за исключением 2007–2008 гг., темп прироста отрицательный в 1974, 1979, 1981, 1991 и 2009 гг., причём в 1981 и 2009 гг. – довольно значительный спад. Изменение темпа роста говорит о сильном галопирующем развитии, когда параметр сильно на довольно коротком отрезке изменяется в обе стороны – такое развитие трудно назвать устойчивым, хотя колебания темпа расположены возле отметки в 2% ежегодного роста ВВП. Вырисовывается общий тренд снижения темпа, примерно от 4–5% до 1,5–1,7%;

– скорость изменения жизненного стандарта США в положительной области, за исключением 2009 г., хотя частота колебаний скорости выше, начиная с 1990-х гг., по сравнению с периодом 1960–1980-х гг.;

– инфляция в США, при которой темп роста ВВП наибольший (4–6%) составляет от 3 до 6–7%. Темп роста, который даёт наибольшую годовую прибавку жизненного стандарта в 2000 долл. на человека, составляет 3–4%. Рост жизненного стандарта до 50 тыс. долл. на человека планомерный, не имеет площадок «социальной стагнации», за исключением периода 2007–2008

гг., где такая площадка обозначена (рис. 96 данного раздела) и отвечает численности населения примерно в 300 млн. человек.

– население Японии увеличивалось от примерно 90 млн до 127 млн человек, темп прироста численности сокращался от 2% в год до отрицательных значений к середине 2000-х гг.;

– ВВП Японии возрастал вплоть до начала 1990-х гг., затем динамика стала неустойчивой – «зигзагообразная динамика» (рис. 99 данного раздела), темп роста неуклонно снижался от отметки в 10% до нуля и отрицательных значений в 2000-е гг. Амплитуда скорости изменения продукта и жизненного стандарта и частота колебаний резко возросли с конца 1980-х гг., а затем с середины 1990-х размах ещё более увеличился. Устойчивость развития японской экономики снизилась. По существу на указанном отрезке в 50 лет наблюдалось планомерное сокращение динамизма развития от 10% в год (темп) до нуля и отрицательных значений. Япония окончательно превратилась в «ростового тихохода»;

– при инфляции в 5% рост был довольно высоким в 10%, при инфляции ниже 5% рост никогда не был выше 5%, эта закономерность чётко просматривается для Японии;

– рост численности населения в Японии сопровождался ростом жизненного стандарта, но при достижении населения к 120 млн наметились два отрезка – площадки «социальной стагнации», но они, как видно из рис. 105 данного раздела, не велики (буквально несколько точек);

– важно отметить, что наибольший прирост жизненного стандарта в 4000 долл. и выше в Японии обеспечивал небольшой по величине рост – примерно в 3–5%, а иногда и нулевой (имеется набор таких точек), а вот быстрый рост в 10% давал незначительное, около нулевой отметки наращивание жизненного стандарта. Имеются также данные, когда рост численности занятых в японской экономике приводил сначала к росту жизненного стандарта (от 64 до 67 млн человек), но дальнейший рост занятых до 68,5 млн человек снижал жизненный стандарт. Хотя, разумеется, причины такого снижения могут быть совсем не связаны с ростом числа занятых. Здесь показано только соотношение изменения параметров, а не выявлены точно причины, вызывающие такое соотношение, совместное изменение. Однако жизненный стандарт, конечно, связан с числом занятых в экономике, поэтому определённая причинная связь между этими величинами существует.

– население Германии сокращалось в 1970-х гг. и до конца 1980-х гг., когда за счёт объединения Восточной и Западной Германии население выросло до 82 млн. человек. Темп прироста населения был невысок, составлял в своём пике всего 0,8% в год, и в 2004 г. стал отрицательным;

– ВВП Германии демонстрировал спад с 1980 по 1986, с 1994 по 2000 гг., то есть усмат-

¹ Для анализа использовались данные Всемирного Банка, доступные по ссылке: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>; <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG>; <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL>; <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD.ZG>; <http://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.TOTL.IN>; <http://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG>; <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.DEFL.KD.ZG>. Также использованы графики см.: Сухарев О.С. Экономика глобального экссесса – М.: Ленанд, 2016 – С. 465- 484. (Приложение 2)

ривается 8–10-летний цикл повторения кризиса в Германии, в 2009–2011 гг. – опять рецессия;

– темп прироста продукта в Германии в среднем снижался и увеличивал амплитуду колебания к 2000-м гг., то же относится и к скорости изменения жизненного стандарта, которая с 1997 по 2001 гг. фактически являлась отрицательной;

– темп роста в 3–4% достигался в Германии при инфляции от 1,5 до 2,5%, при большей инфляции темп существенно ниже – 1,5–2%. Рост численности занятых в экономике сопровождался увеличением (в среднем) жизненного стандарта, темп роста от 2 до 4% давал наибольшую прибавку к жизненному стандарту – 4000–5000 долл. на человека в год.

– население Китая увеличилось более чем в 2 раза, с примерно 600 млн человек до 1 млрд 300 млн человек, при этом темп прироста населения неуклонно снижался с 2,7% в год до 0,5% (за исключением 1980-х гг.);

– динамика ВВП Китая отличала его развитие от всех стран мира и регионов мировой системы – наблюдался неуклонный рост ВВП без спадов, хотя рецессии в виде снижения темпа имелись, однако, в отличие от других стран, к 2000 гг. амплитуда и частота колебаний темпа заметно снизилась, то же относится и к параметру скорости изменения жизненного стандарта, рассчитанной по V_g .¹ Средний темп роста, начиная с 1990-х гг. составил около 10% в год;

– скорость изменения жизненного стандарта Китая на рассматриваемом интервале времени всегда положительная, с конца 1980-х гг. она увеличивалась резко в положительной области. Это сильно отличает развитие Китая от других стран и мировых регионов;

– высокий темп роста в Китае наблюдался как при инфляции ниже 5%, так и при инфляции выше 5 и даже выше 10%, жизненный стандарт рос с ростом численности населения, особенно быстро в 6 раз при увеличении численности от 1 млрд до 1,3 млрд человек, темп роста в 10% давал наибольшую прибавку к жизненному стандарту – до 1000 долл. на человека в год. Темп в 5–7% давал прибавку уже в 300 долл., также и более высокий темп в 12–14%. Это своеобразие китайской экономики заставляет Китай поддерживать темп в районе 8–10%. Площадок «социальной стагнации»², даже намёков на них, которые имеются в отдельных странах, Китай не обнаруживал в указанный период.

¹ Скорость изменения жизненного стандарта (N – численность населения, P – продукт, $u_{Pi} = dP_i(t)/dt$, $u_{Ni} = dN_i(t)/dt$):

$$v_{gi} = \frac{1}{N_i(t)} v_{Pi} - \frac{1}{N_i^2(t)} P_i(t) v_{Ni},$$

² Площадкой «социальной стагнации» назван отрезок на графике в координатах «численность населения (ось абсцисс) – жизненный стандарт потребления (ось ординат)», параллельный оси абсцисс, показывающий, что с ростом населения жизненный стандарт потребления не увеличивается (иногда даже снижается, как для стран Суб-сахарской Африки).

Таким образом, различные страны характеризуются не похожей динамикой по базовым показателям развития, к тому же обладают различной структурой экономики, и обнаруживают различные свойства структурной динамики элементов ВВП, что покажем в следующем параграфе. Этот факт позволяет сказать о том, что в рамках экономической политики не могут применяться всегда одинаковые методы, это относится и к содержанию реформирования экономических систем. Специфика и инерция развития обязательно должны быть учтены на уровне постановки целей макроэкономической политики, при проведении институциональных коррекций экономики. Тем самым, по данной причине, перенос каких-то инструментов воздействия, применяемых в одних странах, в другие страны, не является обоснованным, если не будет показана действенность этих инструментов применительно к конкретным условиям.

3. Структурный анализ динамики ВВП США, Японии.

Германии, Китая и России в 2000–2015 гг.

Очень важно и интересно сравнить структурную динамику элементов ВВП отдельных стран, чтобы увидеть какие из этих элементов вносят наибольший, какие – наименьший вклад в темп экономического роста на рассматриваемом интервале. Проведём сравнительный анализ такой динамики для следующих стран, вынесенных в наименование данного параграфа.

Как известно, ВВП стран рассчитывается по валовой добавленной стоимости в ценах 2010 года в долл. США (используются данные Всемирного банка). Расчёт по используемой структурной формуле (приведём её ниже) даёт некоторое несоответствие по темпу роста продукта на основе официальной методикой расчёта (Всемирного банка), что связано с расхождением методов расчёта по валовой добавленной стоимости и по компонентам расходов ВВП. Однако, наибольшая точность достигается для США, Германии, не плохая точность для Японии и России, наиболее низкая точность для Китая. Однако, предпринятый расчёт по «структурной формуле» отражает качественно вклад в темп роста соответствующих компонент ВВП. С этой целью он вполне применим на практике, особенно при сравнительном анализе структурной динамики различных стран.

Представляя структуру ВВП по расходам, необходимо определить влияние на темп роста каждой компоненты: валового потребления, инвестиций, правительственных расходов и чистого экспорта [4–5].

Пусть продукт $Y = C + I + G + NX$, где C – валовое потребление, I – инвестиции, G – правительственные расходы, NX – чистый экспорт, c, i, a, b – доли соответствующей по порядку перечисления компоненты в продукте. Тогда темп изменения продукта ($g = (1/Y)dY/dt$), выраженный

через темп каждой компоненты и её долю состава-

$$\text{вит: } g = g_c c + g_i n + g_G a + g_{NX} b. \quad [5]$$

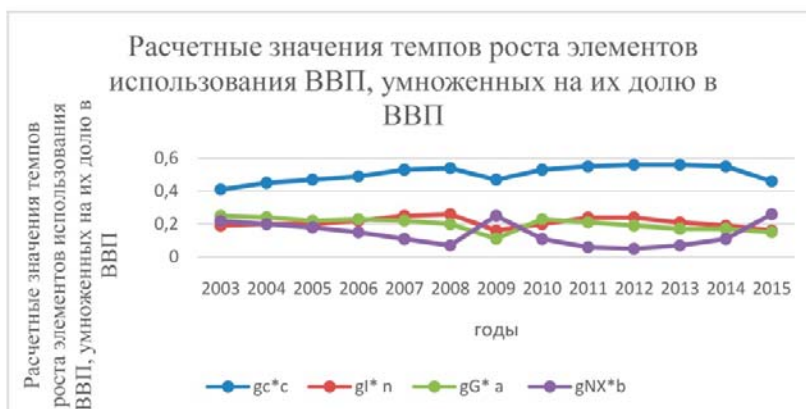

Рис. 1. Темп роста элементов ВВП России, 2003-2015 гг.*
*Здесь и далее на графиках используются данные Всемирного банка.

Как видим из рисунка 1, наибольший вклад в темп роста в России в 2003-2015 гг. вносило валовое потребление, вторым по значимости фактором роста были совокупные инвестиции, которые не всегда занимали это второе место, уступая компоненте – правительственных расходов (G). Чистый экспорт, наоборот, вносил в темп роста экономики самый малый вклад, причём этот вклад снижался в 2004-2008 гг. и 2010-2012 гг. Данный эффект происходил за счёт роста импорта. Однако в период кризиса 2009 и 2015-2016 гг. чистый экспорт становился локомотивом преодоления кризиса (спада), выходя по вкладу в темп роста на второе место после валового потребления, вклад которого в кризисные годы – снижался (рисунок 1).

Важно отметить, что в России значение инвестиций перед кризисом 2009 года неуклонно возрастало, но с 2012 года и вплоть до 2016 года – оно также неуклонно снижалось. Это принципиальная разница в развитии российской экономики, которая и разделяет содержание кризисов 2009 г. и 2015-2016 гг.

Если при запуске экономического роста политическая ставка будет делаться на компоненту ВВП, которая давала не самый весомый

вклад в темп роста по отношению к другим компонентам, значит, необходимо этой компоненте придать больший темп. Как и за счёт чего это будет сделано – основополагающий вопрос макроэкономической политики. При сохранении её рестриктивной направленности, подобный исход представляется не правдоподобным. По всей видимости, та компонента, которая уже давала наибольший вклад в темп роста, и значение которой снизилось в ходе кризиса 2015-2016 гг. может быть на первом этапе организации роста стартовым механизмом, то есть, в России требуется реанимировать валовое потребление, что требует изменений в области социальной и макроэкономической политики. Темп этой компоненте можно придать более скромный, так как за счёт высокой доли в структуре ВВП, она обеспечивает первичную положительную динамику [6].

Модели экономического роста различных стран по структурной динамике компонент, конечно, отличаются, причём эти отличия не могут не сказаться на мерах проводимой экономической политики роста. Для сравнения покажем особенности структурной динамики ВВП США, Германии, Японии и Китая на интервале 2000-2015 гг. по данным Всемирного банка.

Рис. 2. Динамика элементов ВВП США, 2000-2015 гг.*

* Выражаю признательность аспирантке ПГНИУ Ворончихиной Е.Н. за помощь в построении графиков рисунка 2-7 к этой статье.

Как видим из рисунка 2, основной вклад в темп роста ВВП США вносило валовое потребление, совокупные инвестиции занимали по вкладу второе место, уступая его в начале 2000-ых гг. и в кризисные 2007-2009 гг. правительственным расходам. Чистый экспорт не оказывал серьезного влияния на динамику ВВП. Кстати, это обстоятельство характерно для всех рассматриваемых стран, за исключением России, где именно чистый экспорт становился фактором преодоления кризиса 2009 и 2015-2016 гг. В других странах динамика чистого экспорта почти не изменялась в годы кризиса, по крайней мере, не определяла динамику ВВП в эти годы.

Экономика США представляет собой систему, где валовое потребление сильно влияет на динамику. Это сближает её с российской экономикой, демонстрирующей примерно такой же режим динамики. Нужно отметить, что экономика

России, США и Китая демонстрирует чётко определяемый режим динамики – для первых двух стран это потребительская экономика, для Китая – инвестиционная модель динамики. Что касается экономики Германии и Японии, то они, судя по результатам структурного анализа (см. рисунок 3-4) не показывают чёткого режима динамики. Скорее всего, эти две экономики являют собой третий режим динамики – смешанный, когда и потребление и инвестиции вносят ощутимый вклад в динамику, который изменяется с течением времени по этим двум факторам. В кризис 2009 года вытягивают динамику правительственные расходы, а 2015 года ещё и валовое потребление. Иными словами, Германия, Япония и США реагировали на кризис 2009 года одинаково, спаду сопротивлялись через компоненту правительственных расходов.

Рис. 3. Динамика элементов ВВП Германии, 2000-2015 гг.

Рис. 4. Динамика элементов ВВП Японии, 2000-2015 гг.

Обращает на себя внимание значительное число точек ниже нулевой отметки по вкладу, который в рост осуществляют инвестиции в Германии (семь точек на интервале 2000-2015 гг.). Для Японии таких точек явно меньше, хотя

инвестиционные расходы также довольно вялые по их взносу в динамику ВВП страны (рисунок 4). При кризисе 2009 года провал по инвестиционным расходам (вкладу в динамику ВВП) наибольший для указанных стран (США, Германия,

Япония). Однако, Китай показывает совершенно иную модель структурной динамики – инвести-

ционную модель или режим развития (рисунок 5).

Рис. 5. Динамика элементов ВВП Китая, 2000-2015 гг.

Как видим из рисунка 5 инвестиционные расходы дают наибольший вклад в динамику ВВП, только в 2002 и 2005 годах, а также 2011-2012, 2014-2015 гг. валовое потребление немного превышает, или сравнивается по своему вкладу в динамику ВВП с инвестиционными расходами. Для Китая характерно расположение вклада элементов ВВП в темп роста послойно, то есть, чётко выделены уровни влияния – свое-

образные веса вклада. Для других рассматриваемых стран такого расположения кривых не наблюдается. Более того, Китай демонстрирует позитивную динамику в 2009 году (хотя темп роста снижается), как будто не замечая кризис, снижает вклад инвестиционных расходов и потребления к 2014-2015 гг., увеличивая вклад правительственных расходов (рисунок 6).

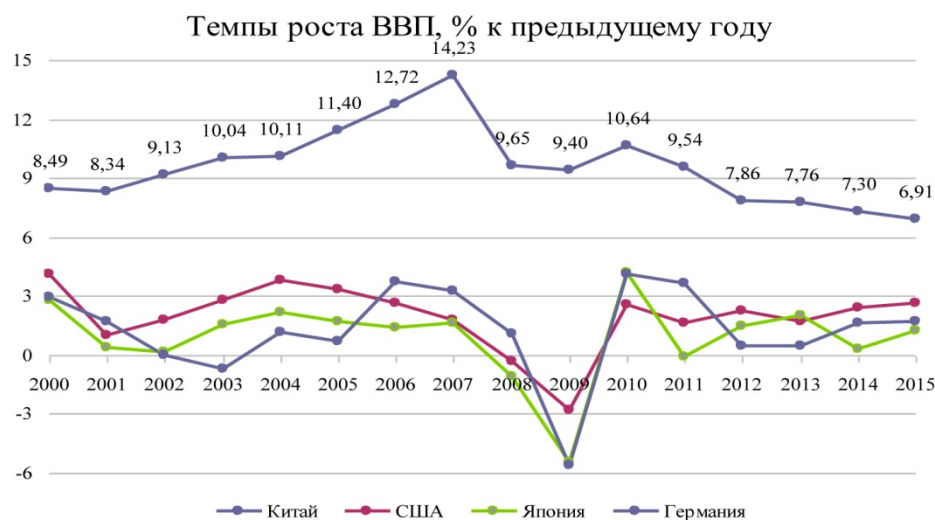

Рис. 6. Динамика ВВП различных стран, 2000-2015 гг.

Степень точности расчёта по «структурной формуле» наиболее высока для экономики США (рисунок 7), а также приемлемая – для России¹. Для других стран, участвовавших в

анализе, степень точности ниже, особенно в кризисные годы, но вполне приемлема (особенно для проведения качественного анализа) в годы бескризисного развития.

¹ См. Цветков В.А. Сухарев О.С. Экономический рост России: новая модель управления – М.: Ленанд, 2017.

Темпы прироста ВВП США,
% к предыдущему году

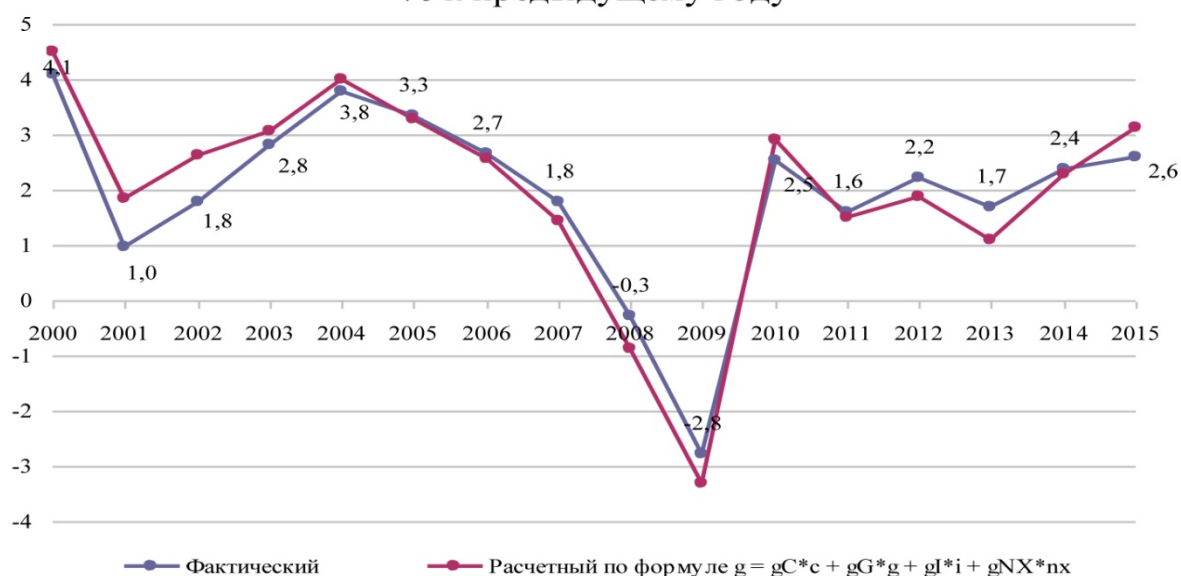

Рис. 7. Динамика ВВП США: факт, расчёт, 2000-2015 гг.

Приведенные оценки позволяют утверждать, что анализ структурной динамики ВВП для отдельной страны, а также при проведении межстрановых сопоставлений, выступает ценным инструментом при обосновании политики экономического роста, следующим этапом формирования которой будет оценка значимости инструментов, воздействующих на соответст-

вующие компоненты ВВП, с тем, чтобы определить чувствительность динамики этих компонент к рассматриваемому набору правительственных инструментов.

Подводя итог проведенному исследованию, суммируем три режима структурной динамики ВВП рассматриваемых стран (таблица 1)

Таблица 1

Режимы структурной динамики – примеры стран, 2000-2015 гг.

Генератор режима экономической динамики		
Валовое потребление	Совокупные инвестиционные расходы	Смешанное влияние (либо без выделения фактора-локомотива)
США, Россия	Китай	Германия, Япония

Таблица 2

Способ реагирования на ситуацию 2009.**

Страна \ Реакция	Улучшает динамику ВВП	Ухудшает динамику ВВП
Россия	Чистый экспорт	Валовое потребление, Инвестиционные расходы Правительственные расходы
США	Правительственные расходы	Валовое потребление Инвестиционные расходы Чистый экспорт*

Германия	Правительственные расходы	Валовое потребление Инвестиционные расходы Чистый экспорт
Япония	Правительственные расходы и незначительно потребление и чистый экспорт	Инвестиционные расходы
Китай	Инвестиционные расходы, Валовое потребление Правительственные расходы	Чистый экспорт

* - чистый экспорт улучшился, но его вклад в динамику ВВП был отрицательным

** Нужно отметить, что для США, Германии, Японии и Китая в 2015 году отмечены положительный темп роста продукта, то есть, кризиса в общепринятом смысле эти страны не испытывали в отличие от России (2015-2016 гг.). В России наблюдается идентичность реакции 2015 года по отношению к 2009 году по поведению элементов слагающих структуру ВВП и его динамику.

Таким образом, исходя из таблицы 2, можно заключить, что в период кризиса реакция наиболее развитых стран Запада на него является по большому счёту «кейнсианской», то есть, эти страны интенсифицируют правительственные усилия, что находит отражение во вкладе элемента «правительственные расходы» в динамику ВВП. Россия демонстрирует противоположную политику, уходит от кейнсианских рецептов и применяют сдерживание, противостоя кризису только за счёт чистого экспорта, при этом ставя задачу изменения его структуры (в пользу несырьевой компоненты). И только Китай показывает модель динамики, в рамках которой все три компоненты ВВП возрастают в кризисный 2009 год, при том, что вклад инвестиционных расходов остаётся самым значительным, хотя и снижается вплоть до 2015 года, сравниваясь с совокупным потреблением по вкладу в динамику ВВП.

Тем самым, выделенные три режима структурной динамики ВВП отдельных стран требуют различных подходов в рамках экономической политики роста. Кстати реагирование на кризис (табл. 2) и является в значительной степени различным. Необходимо учитывать специфику показанной структурной динамики и обосновывать выбор инструментов экономической политики, что составляет следующую и наиболее важную задачу в рамках разработки макроэкономической политики и обеспечения устойчивости ростовой тенденции.

Библиографический список:

1. Абалкин Л.И. Россия - поиск самоопределения - М.: Наука, 2005 – 464 с.
2. Агеев А.И. Вопросы почемучек// Экономические стратегии, 2014 – №2
3. Петраков Н.Я. Избранное. В 2-х Т. – СПб: Нестор-история, 2012
4. Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии – М.: Финансы и статистика, 2014 (2015)
5. Сухарев О.С. Экономический рост России: проблема управления// Экономист, 2016, №7 – С. 21-31
6. Сухарев О.С. Экономический рост и реструктуризация: теоретические критерии и модели управления // Экономика и предпринимательство. 2015. № 8-1 (61-1). С. 100-113
7. Цветков В.А. Сухарев О.С. Экономический рост России: новая модель управления – М.: Ленанд, 2017 – 352 с.